

РОЖДЕНИЕ МАРША

Обсуждали план празднования XI годовщины Красной Армии. Представитель командования высказал своим шефам, работникам искусств, некоторые пожелания и в конце добавил:

— Всем нам очень хочется иметь боевой походный марш с национальным колоритом. Командир дивизии тов. Чанышев просит поговорить об этом с композитором Сайдашевым. Может он вдохновится и подарит такое произведение. Командиры и бойцы были бы ему бесконечно благодарны.

Тогда Салих Замалетдинович, работая в Татарском Академическом театре, помогал и радиостудии, которая существовала лишь второй год. Мы, сотрудники радио, часто разговаривали о творческих замыслах композитора, нам доводилось быть первыми слушателями его новых произведений и импровизаций.

На другой день решили обедать у Сайдашева. Тогда он жил на улице Волкова.

Был яркий, солнечный декабрьский день. Мы шагали бодро, но Салих, обычно очень веселый и разговорчивый, на сей раз молчал и лишь насмешливо какой-то незнакомый мотив. Это бывало с ним.

— Вот пристали какие-то звуки, беспрестанно звучат в ушах, не могу избавиться, — говорил он. Чувствовалось, что сейчас у Салиха в душе «минорно».

После обеда расположились поку-

— Салих, ты когда-нибудь марши писал?

— Нет... Хотя вру, была такая попытка в Оренбурге, когда я работал в музыкальной школе. А почему ты об этом спрашиваешь?

Так начался этот разговор. Когда была изложена просьба военных, он сказал:

— Не сумею, пожалуй. Я ведь лирик. А марши — вещи бравурные, мажорные. Туда трудно вложить душу.

Разгорелся спор. После спора он встал, подошел к пианке, которая лежала на пианино, и, порывшись там, вытащил небольшой клочок нотной бумаги. Сел за инструмент, сначала быстро прошелся по клавишам, потом тихо и неуверенно проиграл те фразы, которые когда-то заносил на бумагу. Это было что-то похожее на марш.

— Да, — сказал он, — все это не то.

Потом мы пили чай и разговаривали о том, о сем. Но разговор как-то не клеился. Окна его квартиры выходили в сад. Он подошел к окошку, долго смотрел на заснеженные деревья и что-то мурлыкал под нос. Потом круто повернулся и сел за пианино.

Быстро заходили брови, бантиком сложил губы, откинулся назад, устремил взор куда-то вдаль и заиграл. Так делал он, когда импровизировал, когда у него в душе возникало новое.

Вот кульминация, и полились чуть печальные, но в то же время сурово бодрые звуки трио. Струны инструмента гудели. Уже слышались звуки литавр и труб, шагала армия наша родная. Салих кончил и, не снимая с клавиш пальцы, с улыбкой повернулся.

— Ну, что, нравится? — спросил он, и быстро-быстро набросал нотные знаки, мурлыка под нос.

— А вот оркестровать времени нет. Пойдем, опоздаем!

Он торопился на репетицию. И тут возникла оригинальная идея. Когда мы оделись, я незаметно захватил рукопись только что возникшего марша.

Из радиостудии позвонил я в политотдел дивизии и рассказал одному из его руководителей о случившемся.

План был такой... Если ждать, пока Салих возьмется оркестровать, дело может затянуться. В дивизии есть очень способный капельмейстер. Казалось, если рукопись передать ему через политотдел, то марш будет быстро оркестрован и даже прорепетирован. Потом можно пригласить Салиха, и он внесет свои поправки. Товарищи с этим согласились и обещали прислать сейчас же капельмейстера в студию. Так марш оказался в дивизионном оркестре.

На другой день Сайдашев зашел на радиостудию.

— Вчера вечером хотел еще раз посмотреть этот марш и не нашел своих каракулей. Ты не видел, куда я их подевал?

Я был в затруднительном положении. Сказать правду — боялся: ду- мал, рассердился. Что-то непонятное сказал и замаял разговор.

Через три дня позвонил капельмейстер и сказал, что все готово. Вчерашний проиграл; получилось как будто неплохо. Он просил привести Сайдашева в Дом Красной Армии, где оркестр будет его ждать.

Ну, тут уж деваться некуда, пришлось открыть всю затею. Он послушал и нахмурился:

— Ну я ну... Раз уж такое дело, пойдем.

В Доме Красной Армии, в подвальном этаже, оркестр встретил композитора под команду: «Смирно!».

Грянул марш. Салих слушал молча. В его глазах было недовольство. Однако он этого не показал. Улыбнулся, поблагодарил капельмейстера и оркестрантов.

— Надо кое-что исправить, давайте вместе.

Долго провозился Салих с нотами. Пришлось сообщить в театр и просить концертмейстера Феофану Ивановну Терновскую вести репетицию хора без Сайдашева.

Так началась репетиция нового марша.

23 февраля 1929 года на торжественном заседании по случаю XI годовщины Красной Армии, Сайдашев должен был преподнести марш командованию 1-го Татарского стрелкового полка.

Мы все готовились к торжественному моменту. Суетились, волновались. На сцене за президиумом на возвышенности расположился оркестр. По плану Сайдашев должен был сказать небольшую речь и передать партитуру командованию, после чего имелось в виду преподнести ему костюм красноармейца и сообщить о зачислении его почетным бойцом в список полка.

Перед самым началом торжественного заседания Салих подошел ко мне и сказал:

— Я боюсь выступить. Не сумею, ступусь.

Позвал «на помощь» режиссера Татарского Академического театра Сульву Валеева. Начали Сайдашева уговаривать, что надо обязательно выступить. А он — ни в какую. Что делать? Наконец, решили, что от имени Сайдашева речь произнесет Сульва Валеев. А партитуру передаст композитор сам. На том и остановились.

Торжества прошли с огромным подъемом. Участники заседания заставили оркестр исполнить марш многократно. И с тех пор этот марш Сайдашева звучит, поднимая дух народа-героя на широких просторах нашей страны.

И. УСМАНОВ.

Страница из жизни Салиха Сайдашева

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТАТАРИН
Г. Назан

3
ДЕН 1929